

DOI: 10.31857/S013038640008189-5

© 2020 г. А. А. ЩЕЛЧКОВ

МОСКВА И БРАЗИЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1935 года

Щелчков Андрей Аркадьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Статья написана при поддержке РФФ, проект 19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

E-mail: sch2000@mail.ru

Аннотация. В истории Бразилии XX в. «коммунистическое восстание» 1935 г. является объектом постоянного внимания и интереса не только историков, но и широких общественных групп, видящих в этой попытке «революционного натиска» героическую страницу борьбы за национальное освобождение. Важнейшее место в этой истории занимает роль Коминтерна, Москвы. Интерес Коминтерна к революции в Бразилии совпал с переходом на сторону коммунистов главы движения тенентистов Луиса Карлоса Престеса, сумевшего подчинить своим политическим планам как всю мощь Коминтерна, так и бразильскую компартию, негласным лидером которой он стал при поддержке Москвы. Ставку на восстание сделали в Коминтерне его функционеры, руководители Латиноамериканского лендерсекретариата Г. Скалов и А. Гуральский, рассматривая ситуацию в Бразилии подобной китайской. Они в союзе с Престесом смогли подчинить себе компартию, заставив ее против общего мнения принять линию на восстание. Своими руками Коминтерн подчинил компартию лево-тенентистскому движению во главе с Престесом. Курс на восстание был поддержан верхушкой Коминтерна на VII конгрессе, при вынужденном нейтралитете Димитрова. Бразильская авантюра является ярким примером аппаратного решения крупных политических задач в Коминтерне в эти годы. Вина за поражение была возложена на руководителей компартии, уроки восстания не были серьезно проанализированы в Москве. Для Бразилии поражение «коммунистического восстания» ноября 1935 г. открыло путь консолидации режима Варгаса и легитимации его диктатуры. Крах бразильской ставки Москвы не только добавил к списку поражений Коминтерна, но и положил конец всем планам и иллюзиям революционного взрыва в Западном полушарии, надолго отошедшего на задний план в повестке дня коммунистического движения и внешней политики СССР.

Ключевые слова: 3-я конференция латиноамериканских партий, Бразилия, ноябрьское восстание 1935 г., Луис Карлос Престес, Коминтерн.

A. A. Schelchkov

Moscow and the 1935 Communist Revolt in Brazil

Andrey Schelchkov, Institute of World History of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

E-mail: sch2000@mail.ru

Abstract. In the 20th century history of Brazil the “communist uprising” of 1935 is the object of constant attention and interest not only of historians, but also of the society that see in this attempt of “revolutionary onslaught” a heroic page in the history of the

struggle for national liberation. The most important place in this story is occupied by the role of the Comintern. The Comintern's interest in the revolution in Brazil coincided with the transition to the side of the Communists of the head of the tenentist movement, Luis Carlos Prestes, who managed to subordinate to his political plans both the entire power of the Comintern and the Brazilian Communist party, of which he became the unofficial leader with the support of Moscow. The Comintern's bet on the uprising was made by its functionaries, the leaders of the Latin American Lander-Secretariat G. Skalov and A. Gural'sky, who considered the situation in Brazil to be similar to that in China. In alliance with Prestes, they were able to subjugate the Communist Party, forcing it, against the general opinion of its members, to take the line of rebellion. With their own hands, the Comintern subordinated the Communist Party to the left wing of the tenentists led by Prestes. The course of the uprising was supported by the leadership of the Comintern at the 7th congress, with Dimitrov's forced neutrality. The Brazilian adventure is a vivid example of the managerial solution of major political problems in the Comintern in those years. The blame for the defeat was laid at the door of the leaders of the Communist Party; the lessons of the uprising were not seriously analyzed in Moscow. For Brazil, the defeat of the "communist uprising" in November 1935 paved the way for the consolidation of Getulio Vargas's regime and the legitimization of his dictatorship.

The collapse of the Brazilian communist revolution not only added to the list of the Comintern's defeats, but also put an end to all plans and illusions of the revolutionary explosion in the Western Hemisphere, which for a long time faded into the background on the agenda of the communist movement and the USSR foreign policy.

Keywords: 3th Conference of Latin-American Communist Parties, Brazil, uprising of November 1935, Luis Carlos Prestes, Comintern.

Латинская Америка все годы работы Коминтерна находилась на периферии его внимания. Некоторое оживление интереса к зависимым и полуколониальным странам произошло в 1928 г., но это отразилось лишь в создании региональных органов управления и координации партиями региона в Москве и в Буэнос-Айресе. Будет неверным утверждать, что Коминтерн вовсе не обращал внимания на происходившее в регионе, примером чему являлся интерес к процессам в революционной Мексике, к революции 1930-х годов на Кубе, к победе Народного фронта в Чили в 1938 г. Однако реальный, практический интерес в Коминтерне вызывали перспективы революционного развития в Бразилии в 1930-х годах.

Бурные политические события в этой самой большой стране континента казались многообещающими для развертывания тактики «революционного штурма». В 1930 г. там произошла «революция» под руководством Жетулио Варгаса. Он пришел к власти при поддержке сложной коалиции региональных элит, прежде всего юга страны и военных. В оппозиции к нему оказались как правые, старые олигархические группы Сан-Паулу, так и левые движения, в том числе и коммунисты. Варгас по рецептам и кальке с фашистского режима в Италии приступил к созданию в стране структур корпоративного государства, получивших официальное оформление в так называемом «Новом государстве» (таковым оно стало именоваться после 1937 г.), осуществившем полное огосударствление профсоюзов во имя решения социального или рабочего вопроса¹. В 1931 г. профсоюзы были включены в систему государственной власти, трудовые конфликты решались в рамках согласительных комиссий.

Варгас смог привлечь на свою сторону значительную часть участников движения младших офицеров, тенентистов, в 1920-е годы представлявших ударную силу борьбы с олигархической системой. Большинство тенентистов заняли важные посты в его

¹ См. подробнее *Калмыков Н. П.* Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс: рабочая политика бразильского правительства в 1930–1945 гг. М., 1981.

администрации². Левая часть этого движения во главе с Луисом Карлосом Престесом не пошла на сотрудничество с Варгасом, хотя тот предлагал Престесу пост военного министра³.

В 1932 г. появился новый политический фактор — быстро завоевывающая популярность фашистская партия «зеленорубашечников», интегралистов во главе с праворадикальным интеллектуалом Плиниу Салгаду. В октябре 1934 г. противостояние левых и профашистских групп вылилось в жестокие столкновения между антифашистами и интегралистами в Сан-Пауло. Страна реально представляла собой бурлящий котел политических страстей, и казалось, что власти плохо контролируют ситуацию в различных штатах.

МОСКОВСКИЕ РЕШЕНИЯ: КУРС НА ВОССТАНИЕ

Бразилия оказалась в центре внимания Коминтерна в период подготовки к 3-й конференции компартий континента. Дело в том, что решение о проведении VII конгресса Коминтерна было принято, а дата несколько раз переносилась, между тем приглашения представителям партий прибыть в Москву уже были разосланы. Тогда и решили не отменять приглашений, а провести региональную конференцию в Москве в октябре 1934 г.

В марте-апреле 1934 г. под председательством Мануильского были проведены расширенные заседания Латиноамериканского лендерсекретариата, на которых обсуждались вопросы предстоящей конференции, среди прочего выделялся «бразильский», а именно о подготовке восстания в этой стране и об отправке туда эмиссаров Интернационала⁴. Диссонансом атмосфере этого совещания был доклад Южноамериканского секретариата от января 1934 г., свидетельствующий о чрезвычайной слабости бразильской партии, о ее неспособности выполнять решения Коминтерна⁵.

Возглавлявший тогда Латиноамериканский лендерсекретариат Синани (Скалов), проведший в 1920-е годы несколько лет в Китае в качестве военного советника, был захвачен идеей применить китайский опыт в условиях Бразилии, которая была для него гигантским «латиноамериканским Китаем». Эту идею поддерживало руководство ИККИ и сам Мануильский. Для подготовки бразильских кадров, для более подробного ознакомления с уроками китайской революции в 1935 г. в Московской ленинской школе была создана специальная группа⁶.

Идея восстания была поддержана представителями Коммунистической партии Бразилии (КПБ) в Москве, где тогда находился Престес. Отношения Престеса и КПБ складывались весьма сложно. Его контакты с коммунистами, начало которых приходится на 1927 г., были весьма недружественными и конфликтными. Тогда коммунисты встретились с Престесом в Боливии, где тот нашел убежище⁷. Престес поразил их рассуждениями, что готов заключить союз с любым из империалистических государств, которое поможет свергнуть тогдашнее правительство⁸.

² Фаусту Б. Краткая история Бразилии. М., 2013, с. 252–253.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 458, оп. 9, д. 163, л. 15об.

⁴ Янчук И. И. На пути к Народному фронту: 3-я конференция латиноамериканских коммунистов 1934 г. — Латиноамериканский исторический альманах, 2002, № 3, с. 153.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 202, л. 5.

⁶ *Jeifets V., Jeifets L.* La Comintern y la formación de militantes comunistas latinoamericanos. — *Izquierdas*, № 31, diciembre 2016, p. 142.

⁷ *Pandolfi D.* Camaradas e companheiros. Memória e história do PCB. Rio de Janeiro, 1993, p. 103–104.

⁸ РГАСПИ, ф. 495, оп. 29, д. 27, л. 5.

Эти контакты, инициатором которых был тогдашний лидер КПБ Астрожилду Перейра, сразу же вызвали внутренний конфликт внутри компартии. Такие влиятельные руководители КПБ, как Родолфу Коутинью и Жоаким Барбоза, подписали письмо протеста, назвав предполагаемый союз с Престесом контрреволюционным и анти-марксистским⁹. Уже тогда в этом пока еще только гипотетическом союзе с Престесом была заложена мина раскола партии. Однако в Москве в принципе мало принимали во внимание точку зрения местных коммунистов и сделали ставку на Престеса.

Значительную роль в привлечении Л. К. Престеса на сторону Коминтерна сыграла его «агенты» в Южной Америке А. Гуральский¹⁰ и немецкий коммунист А. Эwert. Сам Престес признавал, что огромную роль в его переходе на позиции коммунистического движения сыграл «товарищ Рустико» (Гуральский)¹¹. После присоединения Престеса к КПБ в 1934 г., о чем настаивал Коминтерн, несмотря на недовольство со стороны руководства партии, в ее ряды стали вступать военные, левые тенентисты¹², а на конференции КПБ в 1934 г. с учетом рекомендации Коминтерна генеральным секретарем был избран престист Антониу Масиел Бонфим (Миранда, Кейрос), вступивший в партию только в 1932 г. Миранда был одним из основателей престистской «Лиги революционного действия» (LAR)¹³. Престес, оказавшись в Москве, стал придерживаться точки зрения своих кураторов в Коминтерне.

На собравшейся в октябре 1934 г. 3-й конференции латиноамериканских партий положение в Бразилии обсуждали 3 из 12 дней работы. Все выступавшие не уставали указывать на особенное положение в Бразилии, где революция стоит в повестке дня, и ради нее стоит пойти на все возможные политические союзы с мелкобуржуазными и буржуазными партиями. Категорически против союза с ними выступил представитель КПБ в Коминтерне Отавио Брандау¹⁴.

Престес был полноправным участником конференции, и, по словам Мануильского, иметь его в партии было огромным достижением¹⁵. Порой выступления на конференции походили на сцены театра абсурда или плохой комедии: Престес заявлял, что одной из задач партии является борьба с престизмом¹⁶. Однако это была лишь риторика.

Для Коминтерна предстоящая, не подлежащая сомнению бразильская революция имела огромное значение для начала общекионтинентальной советской революции. Более того, по словам Мануильского, она должна была привести к революционному взрыву среди черного населения США. Бразильская революция имела бы огромное значение для роста межимпериалистических противоречий между США и Англией, что было в интересах СССР и мирового пролетариата¹⁷.

⁹ Na contracorrente da história. Documentos do trotskismo brasileiro, 1930–1940. F. Abramo e D. Karepovs (orgs.). São Paulo, 2015, p. 32–33.

¹⁰ В 1931 г. по предложению последнего лендерсекретариат согласился на приглашение Престеса в Москву. — *Хейфец Л. С., Хейфец В. Л.* Латиноамериканские левые на пути к Народному фронту в 30-е годы XX века. — Латинская Америка, 2014, № 5, с. 69.

¹¹ *Friedmann R.* Arthur Ewert (1890–1959). Der Lebens- und Leidensweg eines deutschen Kommunisten auf drei Kontinenten. Postdam, 2015, p. 240–252.

¹² *Фаусту Б.* Указ. соч., с. 264.

¹³ *Karepovs D.* Luta subterrânea. O PCB em 1937–1938. São Paulo, 2003, p. 50.

¹⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 213, л. 370.

¹⁵ 3-я конференция компартий Южной и Карибской Америки. — Латиноамериканский исторический альманах, 2002, № 3, с. 167.

¹⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 213, л. 228.

¹⁷ 3-я конференция компартий Южной и Карибской Америки, с. 167–168.

Хотя в выступлениях бразильских делегатов отмечался меньший энтузиазм и оптимизм относительно перспектив бразильской революции, лидер партии Кейрос (Бонфим) уверенно утверждал, что она «наступит с нами или без нас, под нашим руководством или через наши головы». Революцию следовало готовить, и главным условием было завоевание гегемонии среди рабочего класса и превращение партии в массовую организацию, что было весьма неблизкой перспективой¹⁸.

Бразильские делегаты вторили «старшим товарищам» из Коминтерна, что революция в их стране будет «русского типа»¹⁹. В документе, подготовленном к VII конгрессу Коминтерна, бразильцы повторяли «русскую схему» перерастания революции в советскую через народный фронт: антифеодалная и антиимпериалистическая революция может быть успешной лишь с «созданием советского рабоче-крестьянского правительства»²⁰. Они считали, что революция будет в основном аграрной, а позиции партии среди крестьян и в целом в стране еще очень слабы. Единственным плюсом была вера бразильских крестьян в Престеса, от которого они ждали освобождения²¹.

После завершения конференции в Коминтерне было проведено закрытое совещание по бразильскому вопросу, куда были приглашены руководители лендерсекретариата и избранные участники конференции. Как вспоминал видный функционер Интернационала перуанец Э. Равинес, Г. Димитров, выступавший за немедленное принятие концепции Народного фронта, пошел на компромисс с общим настроением латиноамериканских товарищей и Мануильского, по-прежнему застрявших в «третьем периоде». Он согласился с тем, что в отличие от других стран континента, где следует применять тактику Народного фронта, в Бразилии можно попробовать с вооруженным восстанием²². Причем риторически союз сторонников восстания представлялся как вариант Народного фронта.

На этом совещании бразильцы во главе с Престестом демонстрировали свою уверенность в военной победе. По рассказу Равинеса, советские товарищи рассуждали о возможной поддержке оружием, о посылке целых кораблей и даже подводных лодок. Мануильский демонстрировал уверенность в успехе и гарантировал материальную, в том числе и финансовую, помощь в подготовке восстания²³.

После этого совещания 13 февраля 1935 г. была согласована и принята от имени 3-й конференции резолюция о положении в Бразилии. В ней отмечалось, что КПБ по-прежнему слаба, но перед ней ставились задачи непосредственной борьбы за власть. Инструментом этого была тактика единого фронта сверху и снизу: «Партия и массовые революционные организации должны значительно чаще, чем до сих пор, обращаться с предложениями о выступлениях на основе единого фронта к различным массовым или пользующимся массовым влиянием организациям в целях объединения масс и организации наилучшего отпора общему врагу, феодализму и империализму... КПБ может обращаться к социалистическим, пролетарским и прочим партиям, располагающим массовой базой, к реформистским, анархо-синдикалистским и прочим профсоюзам, предлагая им единый избирательный фронт на основе защиты конкретной программы действий... С предложениями об организации совместных выступлений на основе единого фронта следует обращаться не только к низовым организациям таких партий, как Бразильская социалистическая партия, Пролетарская социалистическая, Пролетарская штата Рио-де-Жанейро и т.д., но одновременно

¹⁸ РГАСПИ, ф. 495, оп. 29, д. 78, л. 36–38.

¹⁹ 3-я конференция компартий Южной и Карибской Америки, с. 177.

²⁰ РГАСПИ, ф. 495, оп. 29, д. 78, л. 20–21.

²¹ 3-я конференция компартий Южной и Карибской Америки, с. 174–175.

²² *Ravines E.* La Gran estafa (La penetración del Kremlin en Iberoamérica). México, 1952, p. 256.

²³ *Ibid.*, p. 257.

и к руководству этих партий»²⁴. Наибольшей гибкости тактика единого фронта достигла в профсоюзной работе, допускалось сотрудничество внутри не только реформистских, но и правительственных профсоюзов. Вся профсоюзная работа должна была быть подчинена стратегической цели создания советов через низовые профсоюзные комитеты²⁵.

Через всю резолюцию проходила идея о конечной цели революции в Бразилии — перерастание в социалистическую и советскую, «переход от временного революционного правительства к организации советов и рабоче-крестьянской партии»²⁶. Таким образом, резолюция была полна противоречий: с одной стороны, предлагалось опираться на самый широкий единый фронт снизу и сверху, а с другой — по-прежнему ставились задачи борьбы за советскую власть, что прикрывалось риторикой о диалектике революции. Димитров настоял на замене лозунга «рабоче-крестьянского правительства» на лозунг «народное национал-революционное правительство»²⁷.

Революция стояла на повестке дня, и компартия должна была бороться за переход власти от временного революционного правительства к организации советов и рабоче-крестьянской власти. При всей новой риторике широкого народного фронта для Бразилии делалось исключение в духе старых установок Коминтерна о близости стратегической борьбы за власть советов. Для успешности этого дела было необходимо завершить процесс большевизации партии (все в духе «третьего периода»)²⁸.

Надо признать, что накануне VII конгресса Коминтерна численность КПБ достигла 5 тыс. членов, что делало ее одной из самых крупных, уступавшей в регионе только аргентинской партии²⁹. По рассказу Престеса, переданному советским латиноамериканцем Б. Ковалем, чрезвычайно оптимистическую информацию о положении в стране и в партии представлял Миранда: «Свои сообщения Миранда делал в самых радужных тонах. При этом он многое сочинял буквально на ходу, указывая на карте места несуществующих партиячек, преувеличивая цифры и приукрашивая реальное положение»³⁰.

В марте 1935 г. в Рио-де-Жанейро был образован Национально-освободительный альянс (ANL — НОА). Во главе НОА стояли бывшие тенентисты капитан Эрколину Каскарду, возглавивший в 1924 г. восстание на флоте, и капитан Роберто Сиссон. 30 марта на многотысячном собрании НОА в театре Жуау Каэтано остававшийся на нелегальном положении Престес был объявлен почетным председателем. Программа НОА состояла из пяти пунктов: отмена выплаты внешнего долга, национализация иностранных компаний, соблюдение личных прав и свобод граждан, передача земель латифундий крестьянству, защита мелкой и средней собственности. Газета «левой оппозиции» (троцкистов) назвала НОА искусственно созданным Гоминьданом, ибо тот родился не из желаний буржуазии опереться на массы, а из искусственных схем бюрократов сталинского Интернационала³¹. Очень точное определение.

Первоначально КПБ взирала на НОА с недоверием, но затем под давлением Коминтерна пошла не только на союз, но и практически на слияние с НОА, хотя впоследствии коммунисты утверждали, что будто бы они и создали альянс и руководили

²⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 29, д. 80, л. 3, 5.

²⁵ Там же, л. 16–19.

²⁶ Там же, л. 6.

²⁷ Broué P. Histoire de l' Internationale Communiste. 1919–1943. Paris, 1997, p. 667.

²⁸ РГАСПИ, ф. 495, оп. 29, д. 80, л. 6–8.

²⁹ Там же, оп. 17, д. 9, л. 29–30. В докладе Маркеса (Барбозы Лоурейру) на VII конгрессе давались гораздо больше цифры: на июль 1934 г. — 8–10 тыс. членов. — Там же, оп. 29, д. 78, л. 53.

³⁰ Коваль Б. Трагическая героиня XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М., 2005, с. 153.

³¹ Na contracorrente da história, p. 218.

им. Заявление КПБ от 10 апреля 1935 г. подчеркивало, что партия не входит и никогда не войдет в НОА, но будет его поддерживать³². В историографии дискутируется вопрос, действительно ли КПБ была инициатором создания НОА или же присоединилась к нему по указанию Коминтерна. Документы Коминтерна никак не свидетельствуют, что инициатива исходила от КПБ или Коминтерна. Более того, в странном докладе в Коминтерн о положении в партии Маркеса в ноябре 1935 г. партия представлена как союзная НОА организация, но никак не находящаяся с ним в иерархических отношениях. Складывается впечатление, что партия, с трудом преодолевая внутреннее сопротивление, пошла на союз с альянсом, отбываясь от обвинений части партии, что это переиздание «меньшевистского» уклона времен Перейры. В партии было много недовольных подчинением партии руководству альянса и Престесу³³.

После пленума ЦК КПБ в мае 1935 г. было принято решение о сотрудничестве с НОА и о подготовке вооруженного захвата власти³⁴. В решениях пленума говорится: «НОА стала орудием завоевания власти, но для этого следует мобилизовать массы и повести их на завоевание власти Национальным революционным правительством»³⁵. Коммунисты должны были создавать свои фракции и комитеты в профсоюзных организациях, входивших в НОА. Лозунг временного революционного правительства коммунистов был заменен на лозунг «Вся власть Национально-освободительному альянсу!», а НОА рассматривался как широкий народный фронт³⁶. Многие из тенентистов, кто поддержал Варгаса в 1930 г., поверив в его реформистскую риторику, разочаровавшись, примкнули к НОА, в который входили уже тысячи и тысячи бразильцев по всей стране. В короткое время НОА превратился в поистине массовую организацию: в июле 1935 г. в него входили от 70 до 100 тыс. человек³⁷.

По сравнению с влиянием КПБ в предыдущий период сила альянса поражала воображение и пробуждала надежды на близкую победу, для которой было бы достаточно одного решительного выступления. Манифест НОА от 15 марта 1935 г. призывал всех, кто разделял принципы альянса, вступать в него, создавать его ячейки на местах. Главными же целями объявлялась защита демократии и национальной независимости, борьба с империалистическим угнетением. Более ни слова не говорилось о гегемонии пролетариата и задачах социалистической революции. Особое внимание было обращено к армии и флоту³⁸. Престес был уверен, что именно военные составят основную силу НОА. Прибывший в Бразилию накануне восстания аргентинский коммунист Родольфо Гиольди с беспокойством отмечал, что в НОА заметен рост влияния военных в ущерб рабочим и КПБ³⁹. Но это было желанием и стилем Престеса, верившего в свои связи со старыми товарищами по тенентизму. Как отмечала газета «левой оппозиции», «тенентисты из НОА были уверены, что имя Луиса Карлоса Престеса и поддержка сталинистской партии (КПБ. — А. Ш.) им обеспечат поддержку масс»⁴⁰.

³² РГАСПИ, ф. 495, оп. 29, д. 78, л. 9.

³³ Там же, л. 33–34.

³⁴ Коваль Б. И. Рабочее движение в Латинской Америке (1917–1959). М., 1979, с. 72.

³⁵ Цит. по: Santos Primo J. C. Tempos Vermelhos: A Aliança Nacional Libertadora e a Política Brasileira 1934–1937. Tese. Salvador, 2006, p. 52.

³⁶ Коминтерн и Латинская Америка. Сборник документов. М., 1999, с. 299.

³⁷ Фаусту Б. Указ. соч., с. 265. Руководство НОА и агенты Коминтерна утверждали, что в альянс входило 400 тыс. человек, что, скорее всего, было преувеличением. — Hilton S. Brazil and the Soviet Challenge, 1917–1947. Austin, 2010, p. 89.

³⁸ РГАСПИ, ф. 495, оп. 29, д. 86, л. 40–42.

³⁹ Silva S. 1935: Ilusão, loucura e história. — Cadernos AEL, 2012, № 2, p. 74.

⁴⁰ Na contracorrente da história, p. 228.

КПБ, претендуя на руководящую роль в НОА, предпочитала быть лишь частью союза: «Войдя в состав НОА, партия должна не только сохранить свою полную идеологическую и организационную самостоятельность, но и всегда отвергать попытки смешения НОА с партией». В Коминтерне резко критически отнеслись к колебаниям КПБ, назвав их отходом от решений 3-й конференции. От партии требовали принять лозунг «*Вся власть НОА*»⁴¹.

Часть руководства коммунистов ревниво относилась к Престесу и набиравшему силу НОА, противопоставляя ему старые лозунги создания советских районов в отдельных провинциях страны. Коминтерн резко отреагировал на «сектантские ошибки» и отход от решений в Москве: «Отступление партии в этот момент от национальной народной революции к пропагандистскому лозунгу “*Вся власть компартии и власть Советам*”, противопоставление его лозунгу “*Вся власть Национальному альянсу*” (A classe operaria, от 10 мая 1935 г.), противопоставление альянсу идеи “чисто” коммунистической власти неизбежно будет означать изоляцию компартии от масс, передачу руководства движением и альянсом в руки буржуазии». В Москве даже подозревали Гиольди, которого критиковали за сектантство, в инспирировании этой линии компартии Бразилии, идущей вразрез с политикой Коминтерна⁴². В Москве предлагали сместить Гиольди в руководстве Южноамериканским бюро (ЮАБ). Однако, если быстро не удастся обновить состав ЮАБ, то было необходимо изъять из его ведения бразильские дела, сосредоточив их в руках Миранды, Престеса и Бангу (Роша)⁴³. Коминтерн тщательно следил за событиями в Бразилии и принимал суровые меры к отклонявшимся от генеральной линии на восстание под руководством НОА.

Признавая ошибки партии, представитель КПБ Маркес на VII конгрессе Коминтерна говорил: «В партии есть товарищи, выдвигающие неподходящие моменты лозунги, как то: немедленное создание советов. Другие товарищи путают народное национал-революционное правительство с демократической диктатурой рабочих и крестьян в форме советов. Мы не сразу, поздно выдвинули лозунг – *Вся власть НОА*, – мы не знали, что делать с НОА, мы боялись, что альянс поглотит наше собственное имя»⁴⁴. Действительно, в Москву из Бразилии приходили критические письма о позиции КПБ: партия, поддержав альянс, стала вести дело о фактическом слиянии, что «могло привести к исчезновению партии внутри НОА». Партии предлагалось максимально использовать НОА и имя Престеса для развития массового движения, которое приведет к созданию временного революционного правительства, но не допустит полного слияния с альянсом. Корреспонденты Коминтерна просили срочно прислать для консультаций и руководства на месте Гуральского⁴⁵.

VII конгресс Коминтерна не обошел и «бразильский вопрос». В докладе Димитров упомянул Бразилию. Несмотря на весь пафос доклада о самом широком народном фронте, в отношении Бразилии делалась ставка на вооруженную борьбу: «В Бразилии коммунистическая партия, положившая правильное начало развитию единого антиимпериалистического фронта созданием национально-освободительного альянса, должна приложить все усилия к дальнейшему расширению этого фронта путем вовлечения в первую очередь многомиллионных масс крестьянства, ведя дело к созданию частей народно-революционной армии, до конца преданных революции, и к осуществлению власти национально-освободительного альянса»⁴⁶.

⁴¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 29, д. 78, л. 38; д. 79, л. 7.

⁴² Коминтерн и Латинская Америка, с. 300.

⁴³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 29, д. 79, л. 9.

⁴⁴ Там же, д. 78, л. 55–56.

⁴⁵ Там же, д. 81, л. 1–10б.

⁴⁶ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны (сборник документов). М., 1975, с. 170.

Проблемам Бразилии посвятил часть своего доклада член Бюро Исполкома Коминтерна Ван Мин. Он сравнивал НОА с Гоминьданом 1925 г., представлял его как форму единого антиимпериалистического фронта, демонстрирующего гибкий подход коммунистов к народному фронту, который в определенных условиях мог стать инструментом насильственного свержения империализма и его местных союзников. В докладе Ван Мина подчеркивалось, что для Бразилии Народный фронт превращался в лозунг не защиты демократии перед лицом реакции и фашизма, а в призыв к буржуазно-демократической и антиимпериалистической революции, как первого этапа будущих социалистических преобразований⁴⁷. Уже после конгресса и поражения ноябрьского восстания Ван Мин продолжал настаивать на актуальности китайского опыта для Бразилии, что он изложил в своей статье в 1936 г.⁴⁸

Именно «китайский опыт» был в центре критики слева, со стороны «левой оппозиции» — троцкистской Коммунистической лиги (LCI): отделение борьбы с капитализмом в целом от борьбы с империализмом, за национальную революцию было предательством интересов пролетариата, а Национально-освободительный альянс характеризовался ими как бразильский Гоминьдан, как партийный союз под руководством мелкой буржуазии⁴⁹.

Курс, взятый в Москве на восстание, рост влияния Престеса в Коминтерне привели к тому, что тон выступлений делегатов от КПБ на конгрессе изменился в сторону поддержки непосредственной подготовки к революционным выступлениям, заняв место привычной риторики о завоевании гегемонии в рабочем движении и превращении партии в массовую организацию, что предполагало длительный процесс подготовки революции без четких сроков и планов. Избрание Миранды и Престеса в члены ИККИ на VII конгрессе как единственных представителей компартий Латинской Америки свидетельствовало о том внимании, которое руководство Интернационала обращало на эту страну. Сам факт, что Престес и генсек компартии Бразилии оказались в одном ряду руководства Коминтерна вместе со Сталиным, Димитровым и другими «вождями», придавал им уверенности, что за ними стоит сила мирового коммунизма и СССР.

Престес и Коминтерн взаимно побуждали и убеждали друг друга в неизбежности и перспективности именно вооруженного восстания. Уже после VII конгресса, в сентябре 1935 г., в Бразилию шли указания из Москвы при подготовке восстания работать над созданием союза с национал-реформистской буржуазией. Москва настаивала, чтобы КПБ оставила в прошлом идеи борьбы за советскую власть, а НОА рассматривался как широкий фронт с буржуазией⁵⁰.

Главным энтузиастом восстания, а не длительной легальной борьбы, был Престес. 5 июля 1934 г. в годовщину выступления тенентистов К. Ласерда на собрании НОА зачитал манифест Престеса, призывавший к свержению правительства Варгаса и созданию народного национально-революционного правительства. 11 июля 1935 г., воспользовавшись этой декларацией, Варгас запретил деятельность альянса⁵¹. Тем не менее, оказавшись в подполье, НОА продолжал проводить митинги, печатать воззвания. С этого момента руководство альянса и КПБ во главе с Престесом стали готовить восстание для насильственного свержения Варгаса.

⁴⁷ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998, с. 898–899.

⁴⁸ РГАСПИ, ф. 495, оп. 17, д. 98, л. 13.

⁴⁹ *Tovares de Almeida M.* Os trotskistas frente à Aliança Nacional Libertadora e aos levantamentos militares de 1935. — *Cadernos de AEL*, 2005, № 22–23, p. 109.

⁵⁰ РГАСПИ, ф. 495, оп. 29, д. 81, л. 90–93.

⁵¹ *Фаусту Б.* Указ. соч., с. 264.

В Москве планировали восстание на первое полугодие 1936 г.⁵² В Бразилию были направлены агенты: представитель «органов» П. В. Стучевский под именем бельгийца Леона Жюля Валле⁵³, который отвечал за финансирование агентов со стороны Москвы⁵⁴, немецкий коммунист Артур Эверт с супругой, аргентинец Родольфо Гиольди, американец Виктор Аллен Баррон (Джордж), немец Йохан Грааф (под именем Франц Грубер, который оказался двойным агентом, работавшим также на английскую разведку)⁵⁵. Последний был специалистом по вооружению и взрывным материалам. Баррон был специалистом по радиосвязи, учился в радиошколе Коминтерна. В его задачу входила прямая и оперативная связь с Москвой⁵⁶. Правда, он получил только одну телеграмму из Москвы от Мануильского в октябре 1935 г. с указаниями Престесу перебраться на северо-восток, где, по мнению Москвы, ситуация в наибольшей степени была близка к революционному взрыву. Однако Престес остался в столице⁵⁷. Для ускоренной связи с бразильцами в Европу была направлена старый кадровый сотрудник Коминтерна Инесса Тульчинская. По мнению некоторых бразильских историков, Эверт и Престес поменяли все планы подготовки и развития восстания, которые были разработаны в Москве. Они решили начать восстание по всей стране и, осознавая слабость компартии, делали ставку на военных⁵⁸.

Агенты еще в Москве встречались с Престесом, который, нелегально вернувшись в Бразилию в апреле 1935 г. вместе с женой, немецкой коммунисткой Ольгой Бенарио, предпринял самые жесткие правила конспирации, поддерживая связь с товарищами лишь через генерального секретаря КПБ Миранду. Этот факт использовался официальной историографией КПБ как аргумент, что реально руководство подготовки восстания было вне его возможностей, а руководство во главе с Мирандой прикрывалось его именем. Якобы Престес постоянно предостерегал партию против авантюризма и путчистской линии⁵⁹. Как видно из материалов допросов в гестапо Бенарио и Элизы Эверт, выданных Варгасом нацистам, очевидно, что Престес поддерживал прямую связь не только с Мирандой, но и с Эвертами⁶⁰. Многие агенты находились под наблюдением полиции, что затем привело к быстрому провалу всей сети явок и арестам.

В ЦК КПБ был создан военный комитет во главе с лейтенантом Паулу Машаку Каррином. Однако его деятельность была ограничена Рио-де-Жанейро, а на северо-востоке действовал другой орган – Революционное командование во главе с членом ЦК Каэтану Машаду. Каррион несколько раз встречался с Престесом, но серьезной координации деятельности с ним не получилось⁶¹. При этом отчеты в Коминтерн

⁵² Broué P. Op. cit., p. 667.

⁵³ Российские исследователи Л. С. Хейфец и В. Л. Хейфец утверждают, что Стучевский ошибочно ассоциируется бразильским историком В. Вааком с бельгийцем Л. Ж. Валле, который был другим агентом Коминтерна. Они же сообщают, что после расследований «бразильского провала» комиссия С. Благоевой при отделе кадров рекомендовала удалить Стучевского из Коминтерна. – *Jeifets L. S., Jeifets V. L. América Latina en la Internacional Comunista, 1919–1943. Diccionario biográfico. Santiago de Chile, 2015, p. 592.*

⁵⁴ Pinheiro P. S. Estratégias da ilusão. A Revolução Mundial e o Brasil, 1922–1935. São Paulo, 1992, p. 313.

⁵⁵ Hilton S. Op. cit., p. 88–89.

⁵⁶ Waack W. Camaradas, Nos arquivos de Moscou. A história secreta da revolução brasileira de 1935. São Paulo, 1993, p. 80–81.

⁵⁷ Коваль Б. Трагическая героиня XX века, с. 183.

⁵⁸ Silva S. Op. cit., p. 72–73.

⁵⁹ Prestes A. L. 70 anos da Aliança Nacional Libertadora (ALN). – Estudos Ibero-Americanos. PUCRS, v. XXXI, № 1, junho 2005, p. 115.

⁶⁰ РГАСПИ, ф. 458, оп. 9, д. 163, л. 15.

⁶¹ Коваль Б. Трагическая героиня XX века, с. 183.

говорили о хорошей подготовке восстания. Л. Басбаум, руководивший партийной организацией в Баии, впоследствии отмечал, что доклады руководства об агитации среди рабочих в этой провинции и готовности к выступлению не соответствовали действительности. Партийные руководители и видные коммунисты признавали, что партия полностью утратила контроль, уступив все ведущие позиции Престесу и бывшим тенентистам из НОА⁶².

Накануне восстания Гиольди сообщал в Москву о начинающемся новом подъеме революционных настроений в массах. НОА активно работал в армии и на флоте, коммунисты направляли эмиссаров в провинции. Особенно перспективной представлялась ситуация на северо-востоке страны, куда было направлено 50 представителей центра для организации восстания⁶³. В Москве рекомендовали не выставлять на показ участие КПБ в НОА, ибо это отпугивает население. Следовало создавать образ НОА как некоммунистической организации, альянс не должен был ассоциироваться с КПБ и Москвой. Рекомендовалось развивать легальные формы работы и агитации⁶⁴. Однако было слишком поздно, Престес делал ставку на вооруженное выступление.

КРАХ ПОЛИТИКИ «РЕВОЛЮЦИОННОГО ШТУРМА» И ПОИСКИ ВИНОВНЫХ

23 ноября 1935 г. началось восстание НОА в Натале, 24 ноября – в Ресифи, 27 ноября – в столице, в Рио-де-Жанейро. По мнению Н. П. Калмыкова, восстание было начато по решению Престеса и его окружения и поддержано директивами Коминтерна⁶⁵. Сам Престес заявлял, что к принятию этого решения его подтолкнул анализ состояния особого недовольства и антиправительственных настроений военных, обеспокоенных планами властей сократить армию. Престес также утверждал, что решение о дате восстания на северо-востоке принимали в руководстве КПБ и Южноамериканского секретариата Коминтерна⁶⁶.

Начавшись как выступление военных по старым лекалам тенентистов, оно не было, как планировалось, поддержано рабочими. Именно этот факт неудачи мобилизации рабочего класса, что придавало путчистский характер выступлению, был в центре критики слева, со стороны троцкистской LCI. Более того, как справедливо указывали троцкисты, члены КПБ остались пассивными наблюдателями военного путча⁶⁷.

За день до решающего выступления в Рио-де-Жанейро, 26 ноября, секретариат ИККИ⁶⁸ отправил ЮАБ и политбюро КПБ телеграмму, в которой указывалось: «Вопрос о всеобщем выступлении решайте сами, когда сочтете нужным. Постарайтесь обеспечить поддержку выступления армии движением рабочих и крестьян. Примите меры против ареста Престеса. Двадцать пять тысяч переводим телеграфно. Держите нас в курсе событий»⁶⁹. В Москве верили, что восстание может развиваться во всеобщее, в революцию, о которой бразильские коммунисты и Коминтерн говорили уже полтора года. Финансирование компартии шло через Монтевидео, где работала советская

⁶² Hilton S. Op. cit., p. 93.

⁶³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 29, д. 81, л. 71–72.

⁶⁴ Там же, л. 105–106.

⁶⁵ Калмыков Н. П. Коминтерн и коммунистическое движение в Латинской Америке. – История Коммунистического Интернационала, 1919–1943: документальный очерк. М., 2002, с. 398.

⁶⁶ Prestes A. L. Op. cit., p. 116–117.

⁶⁷ Tavares de Almeida M. Op. cit., p. 111.

⁶⁸ Телеграмма была подписана Мануильским, Тольятти, Ван Мином, Готвальдом, Марти, Пиком, М. Москвиным, Флориным.

⁶⁹ Коминтерн и идея мировой революции. Документы, с. 914.

миссия и Южамторг. В результате «бразильского дела» Южамторг был разгромлен, а дипотношения с Уругваем прерваны⁷⁰. Ввиду разгрома уругвайского центра координации для налаживания хоть какой-то стабильной связи с КПБ предполагалось послать представителя Москвы в Гавр (Франция), где через бразильских моряков можно было установить нелегальную связь с Бразилией⁷¹.

Восстание потерпело поражение, а правительство развернуло террор не только против коммунистов, но и против всех оппозиционеров. Было объявлено осадное положение. С ноября 1935 по май 1937 г. в связи с коммунистическим восстанием было арестовано 7056 человек⁷². В течение 1936 г. были приняты чрезвычайные законы против коммунистов и всех левых: в январе 1936 г. была создана Национальная комиссия подавления коммунизма. Сразу же после восстания проведена чистка в армии.

Система агентов Коминтерна быстро обрушилась, и начались их аресты. Под репрессивную машину попадали и просто русские. В декабре 1935 г. было объявлено, что в Сан-Пауло был арестован связной Престеса Игорь Долгорукий, некто не имевший никакого отношения к Коминтерну⁷³. 26 декабря 1935 г. схватили Эверта с женой. В январе 1936 г. арестовали Стучевского, но вскоре отпустили под надзор полиции, а он успешно сбежал. В марте 1936 г. в руках полиции оказались Престес и Ольга Бенарио⁷⁴. Эверт от пыток потерял рассудок, а его жену и Бенарио глава политической полиции Ф. Мюллер депортировал в Германию, где те погибли⁷⁵.

Репрессии привели к резкому снижению членов партии с 5 тыс. в 1935 г. до 1,5 тыс. в 1937 г.⁷⁶ Как отмечал историк Д. Кареповс, главный удар пришелся по военным, связанным с НОА. Основная структура КПБ, особенно в Сан-Пауло, осталась практически нетронутой. Партия по-прежнему действовала, как будто ничего не произошло, призывая к вооруженной борьбе. Издания Коминтерна анонсировали о начале «бразильской революции», а КПБ пребывала в состоянии триумфализма⁷⁷.

В ИККИ 28 января 1936 г. прошло заседание, посвященное провалу восстания. Представитель КПБ О. Брандау, говоря о причинах поражения, указывал, что восстание началось, когда забастовочное движение уже закончилось, не было координации между действиями НОА и КПБ⁷⁸. Из уроков поражения делался идеологический вывод в духе стратегии Народного фронта: необходим союз с национальной буржуазией национал-реформистского толка. Забавно, что затем именно Варгаса коммунисты и назовут представителем национал-реформизма. Брандау настаивал: «С особой силой подчеркиваю необходимость вовлечения национальной буржуазии в борьбу». Кроме того, партия идеализировала бразильских военных, якобы готовых пойти за Престесом, вместо того чтобы работать над созданием новой, народной армии⁷⁹. Таким образом, Брандау по-прежнему надеялся на победу вооруженной борьбы. Другой бразильский представитель Ласерда также пенял на недооценку роли буржуазии

⁷⁰ Dulles J. Brazilian Communism, 1935–1945. Repression during World Upheaval. Austin, 1983, p. 13–14.

⁷¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 29, д. 79, л. 4.

⁷² Hilton S. Op. cit., p. 126.

⁷³ Correio Paulistano, São Paulo, 6.XII.1935, p. 7.

⁷⁴ РГАСПИ, ф. 458, оп. 9, д. 163, л. 15об.

⁷⁵ О. Бенарио родила в тюрьме дочь, которую удалось вырвать из рук гестапо матери Престеса, а О. Бенарио вела себя исключительно мужественно, отказываясь отвечать на вопросы гестапо. В 1942 г. она закончила свою жизнь в газовой камере.

⁷⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 17, д. 9, л. 29.

⁷⁷ Karepovs D. Op. cit., p. 68.

⁷⁸ РГАСПИ, ф. 495, оп. 17, д. 100, л. 30–32.

⁷⁹ Там же, л. 39, 43.

и отсутствие широкого Народного фронта, который включал бы национальную буржуазию⁸⁰. Представители КПБ быстро переориентировались на преобладавшую в Коминтерне риторику широкого Народного фронта.

На этом заседании итальянский коммунист Маркуччи (Давид Маджони) указывал, что разговоры о несвоевременности восстания беспочвенны, ибо неважно, когда надо было начинать восстание, условия для которого отсутствовали полностью. И в этом главная ошибка. Как и ошибочным был лозунг «Вся власть правительству Престеса»⁸¹. В аппарате Коминтерна тогда царило разочарование ставкой на Престеса, не избавившегося от каудильизма и традиционного путчизма.

Маркуччи, его не поддержал в этом никто, опираясь на итальянский опыт, предлагал работать с интегралистскими массами, которые также выступали с антиимпериалистическими лозунгами. Он даже предлагал создавать единый фронт снизу с интегралистами⁸². В этом он видел возможность реванша. Однако это была слишком еретическая мысль даже для Коминтерна пост-VII конгресса.

Аргентинец Торрес (Л. В. Сомми) обрушился с критикой на «левый уклон» бразильцев, что было несправедливо в принципе. Он призывал снять требования раздела земельной собственности, чтобы опереться на буржуазию, на мелких и средних помещиков. Торрес призывал к союзу с буржуазией и не отпугивать ее радикальными лозунгами. В «левом уклоне» он обвинил не только КПБ, но и коминтерновских функционеров, в частности ответственного за латиноамериканские дела В. Н. Кучумова⁸³, которого именно в эти дни исключили из партии и арестовали.

Уругваец Орасио (Л. А. Фьерро) резко критиковал продолжающийся триумфализм некоторых партийных лидеров КПБ. В частности, он считал глубоко ошибочными и вредными призывы Бангу (Л. Р. Роша) к развертыванию партизанской борьбы в провинции, призывая партию признать, что вся линия на восстание была путчистской и ошибочной⁸⁴.

Заключительное слово взял Ван Мин, который постарался сгладить резкую критику в адрес бразильцев, умиротворяюще заявив, что есть и «положительные уроки» ноябрьского восстания, так как это было первое вооруженное выступление коммунистов в Латинской Америке. Он поддержал старую тактику на создание национально-революционного правительства на основе НОА, но с привлечением к союзу части буржуазии. Он призвал КПБ обратить внимание на союз с буржуазными партиями, осудил преувеличенные надежды на лидерство Престеса. Ван Мин заявил, что в Бразилии не было и нет условий для вооруженного восстания и захвата власти, а значит, надо отступить⁸⁵. Общая идея состояла в резком повороте вправо и в самой широкой трактовке политики союзов и Народного фронта.

Помимо анализа причин поражения на заседаниях ИККИ в Москве для выявления виновных была создана «комиссия С. Благоевой» при отделе кадров, которая искала двойных агентов и шпионов. Комиссия в марте 1936 г. выпустила отчет, в котором победа революции признавалась невозможной в ближайшей перспективе. НОА в соответствии с новыми установками Москвы объявлялся формой народного фронта⁸⁶. При этом умалчивалось о пассивности рабочих городов, где восстание развивалось.

⁸⁰ Там же, л. 51–52.

⁸¹ Там же, л. 68.

⁸² Там же, л. 76–77.

⁸³ Там же, л. 79–80.

⁸⁴ Там же, л. 86–87.

⁸⁵ Там же, л. 170–176.

⁸⁶ Там же, оп. 29, д. 95, л. 31.

Анализируя восстание на северо-востоке, КПБ также признала свои ошибки: «Правительственная Жунта (совет) восстания состояла исключительно из членов партии и в своем большинстве из мелко-буржуазных элементов. Эта ошибка с самого начала помешала мобилизации более широких слоев населения в поддержку революционного правительства, предупредив последующие ошибки и колебания». Как только произошло восстание в Натале и было образовано революционное правительство, компартия забыла о лозунгах единого фронта и не стала предлагать сотрудничество левым тенентистам, объединенным в «Социальном альянсе»⁸⁷. Эти ошибки привели к пассивности большинства населения и поражению восстания.

Еще на стадии подготовки восстания НОА не смог включить в себя всех возможных союзников, не стал подлинно народным национально-освободительным фронтом. Сам момент восстания, признавала КПБ, был выбран неудачно, когда волна забастовок и массовых действий пошла на спад. Главное упущение — слабое вовлечение рабочего класса и профсоюзов. КПБ назвала восстание «преждевременным, вовлекшим в борьбу лишь авангард бразильского народа в недостаточно созревших для него условиях»⁸⁸.

В период после поражения восстания Коминтерн рекомендовал КПБ проводить политику вхождения во все легальные формы политической борьбы, умерить воинственность и бороться за легализацию партии, указывалось, что в «бразильской партии налицо недооценка использования легальных возможностей, избирательных кампаний и выборов»⁸⁹. Эти рекомендации противоречили установкам КПБ на вооруженное восстание. Партия по-прежнему делала ставку на военный переворот против Варгаса и даже соглашалась на определенных условиях поддержать установление прогрессивной военной диктатуры. В КПБ говорили о подготовке нового восстания и вели пустые, ничем не обоснованные разговоры о развитии партизанской борьбы в провинции⁹⁰. И только в 1937 г. в соответствии с инструкциями из Москвы был сделан резкий поворот в политике КПБ: отказ от линии на восстание и переход к тактике Народного фронта и сотрудничества с буржуазными партиями. Признавалось, что национальная буржуазия будет ведущей силой бразильской революции.

В мае 1937 г. ИККИ вновь рассматривала итоги ноябрьского восстания, обсудив доклад представителя КПБ Э. Рибейру Шавьера: действия партии и тактика, разработанная внутри Коминтерна в 1934—1935 гг., были признаны ошибочными. Постановление ИККИ резюмировало: «Неправильная политическая ориентация, выражающаяся прежде всего в установке на борьбу за национально-революционное правительство в центре и советскую власть на местах, увлечение технической стороной дела в подготовке вооруженной борьбы, пренебрежительное отношение к делу организации масс и классовой борьбы и оторванность вооруженной борьбы воинских частей от народных масс, переоценка собственного влияния и сил, недооценка сил противника, ложное представление о бразильской армии (легенда о революционном разложении 70% всей бразильской армии), засоренность провокаторскими элементами аппарата партии и революционных организаций, недостаточная борьба с этими элементами со стороны партии и революционеров — вот главные уроки ноябрьских выступлений в 1935 г.»⁹¹

Внутри Бразилии шли свои поиски виновных. Престес же обвинил генерального секретаря партии Миранду в том, что тот направлял искаженную, излишне оптимистическую информацию в Москву. Гиольди же утверждал, что все рычаги управления движением были в руках самого Престеса⁹².

⁸⁷ Там же, д. 94, л. 3.

⁸⁸ Там же, оп. 17, д. 100, л. 191—192.

⁸⁹ Коминтерн и Латинская Америка, с. 309.

⁹⁰ Na contracorrente da história, p. 163.

⁹¹ Коминтерн и Латинская Америка, с. 320.

⁹² Hilton S. Op. cit., p. 107.

Миранда в 1934 г. участвовал в 3-й конференции в Москве, где очень понравился Мануилскому и другим проводникам идеи приближавшейся революции в Бразилии (Гуральский, Скалов). Наивно верить Престесу, что все несчастья восстания лежат на совести Миранды, который убедил Москву в возможности успеха восстания. Миранда был верным престистом. В Москве Миранда говорил то, что от него хотели слышать, хотя на 3-й конференции именно он говорил о слабости партии и ее неготовности возглавить восстание-революцию.

Престес сделал из Миранды «козла отпущения», обвинив в предательстве его самого и жену. Более того, Престес был инициатором казни (убийства) Элзы Фернандес, жены Миранды, в наказание за показания в полиции после жестоких пыток. При этом арестованный Миранда сам был подвергнут жестоким пыткам и принял тактику говорить полиции лишь то, что ей и так было известно. После выхода из тюрьмы, где лишился почки, он заболел туберкулезом и вскоре умер в полной нищете. Официальная историография КПБ вслед за Престесом обвиняла Миранду в предательстве, в работе на полицию. Исследователь Р. Перейра Морейра утверждал, что у Миранды были непростые и конфликтные отношения с Престесом, который и покарал именно Миранду. Якобы их разногласия уходили корнями в период LAR⁹³. Возможно, что так, но остается неоспоримым фактом, что Миранда возглавлял престистскую LAR, был его доверенным лицом, а когда стал лидером КПБ, работал в тесной связи с Престесом, выполняя его указания.

ИККИ приняла новые рекомендации компартии. Теперь для Бразилии не делалось исключения в политике народного фронта: «Курс захвата власти путем вооруженного восстания в данных условиях Бразилии должен быть отменен. Восстановление и расширение Национально-освободительного альянса как подлинного органа единого национального фронта всех сил, всех слоев, партий и группировок бразильского народа, стоящих на общей платформе борьбы против гнета империализма за демократизацию режима, является неотложной и актуальной задачей КП Бразилии»⁹⁴. Ставилась задача сосредоточиться на предвыборной кампании, поддерживая демократическую кандидатуру, альтернативную Варгасу. Отмечая реакционно-террористический характер правления Варгаса, КПБ указывала: «Как тактический вопрос необходимо проанализировать положение самого Варгаса, не допуская его изоляции, чтобы он не оказался вынужденным окончательно и открыто перейти в фашистский лагерь»⁹⁵.

Поражение восстания и резкие выражения в политике партии вызвали несколько внутренних кризисов⁹⁶. В партии было немало тех, кто категорически не соглашался с «путчистской» линией. В 1934 г. из партии был исключен один из крупных руководителей и профсоюзный вожак Мариу Грацини⁹⁷. Затем в знак протеста против «путчистской» тактики из партии вышел ряд ее видных членов — Аугусту Бесушет, Фебиус Жиковате и Баррету Лейте Филью. После поражения восстания они вступили в троцкистскую Ленинскую рабочую партию. Естественно, что КПБ обвиняла их в предательстве и даже в даче советов правительству Варгаса.

В ноябре 1937 г. после новых указаний Коминтерна произошел новый раскол в партии в результате дискуссии о роли национальной буржуазии в революции. Группа членов партии (в основном из Сан-Пауло) во главе с членами политбюро Эр-минию Саккетой и Эйтором Феррейрой Лимой критиковали линию КПБ во главе

⁹³ *Pereira Moreira R. N. Antônio Maciel Bonfim ou «o celebre Miranda»: entre a história e a memória.* — Capítulo de história dos comunistas no Brasil. C. Zacarias de Sena, Jr. (org.). Salvador, 2016, p. 90.

⁹⁴ Коминтерн и Латинская Америка, с. 319.

⁹⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 29, д. 121, л. 14.

⁹⁶ Там же, оп. 17, д. 130, л. 1.

⁹⁷ *Karepovs D. Pas de politique Mariô! Mario Pedrosa e a sua política.* São Paulo, 2017, p. 41.

с Престесом с левых позиций. Их группа создала свой собственный ЦК и стала действовать от имени всей КПБ, захватила типографию партийной газеты и издавала фальсифицированный орган компартии газету «Рабочий класс»⁹⁸. Затем эта группа также присоединилась к троцкистам.

Этот раскол произошел в сложный период для партии, когда она находилась в подполье, а руководство и рядовые члены преследовались диктатурой Варгаса. В этот период, с 1936 по 1940 г., происходил поворот при прямом указании со стороны Коминтерна от политики восстаний и партизанской борьбы к курсу на поддержку национального единства вокруг того же самого диктатора Варгаса, причем коммунистов продолжали преследовать, арестовывать, пытаться. Поворот к сотрудничеству с национал-реформистскими силами проходил в русле общей политики Народного фронта Коминтерна и сотрудничества с прогрессивными силами национальной буржуазии. Теоретическим обоснованием такого поворота был тезис о решающей роли национальной буржуазии в бразильской революции.

В то время как руководство партии во главе с Бангу выступало за поддержку кандидатов либо от Варгаса, либо от оппозиционной Демократической партии, представлявшей олигархию Сан-Пауло, оппозиция в лице комитета Сан-Пауло и его лидера Эрминиу Саккетты считала такой курс «правым оппортунизмом». Примечательно, что троцкисты из Ленинской рабочей партии выступили с предложением выдвинуть кандидатом Престеса, который находился в тюрьме. Коминтерн поддержал Бангу, а оппозицию заклеил как троцкистскую, назвав всех ее членов поименно в публичных документах и в радиопередачах на Бразилию, что дало повод полиции арестовать названных лидеров⁹⁹.

Поражение восстания стало тяжелым уроком для политики Коминтерна в Бразилии. К истории Коминтерна прибавилось еще одно поражение. Недаром бразильский публицист В. Ваак назвал Коминтерн «коллекционером поражений». Разгром в Бразилии проявил слабые места его латиноамериканской политики, в частности ставку на популярность лидера, а именно на Престеса, представлявшегося непобедимым вождем бразильского народа. Сам же Престес смог использовать Коминтерн для реализации своих целей и действий в соответствии со своими далеко не марксистскими взглядами. Он быстро освоил риторику и механизмы воздействия на принятие решений в Москве и успешно пользовался этим, оставаясь, по сути, военным путчиком, мелкобуржуазным революционером, левым националистом. Он полностью подчинил себе не только компартию Бразилии, но и силу Коминтерна. Престес был убежден, что в Бразилии невозможно прийти к власти (а только это его и интересовало) без помощи извне, о чем он откровенно говорил при первых контактах с коммунистами, что готов продаться любому империализму, будь то американский, английский или немецкий. Но реальная возможность внешней помощи представилась со стороны СССР, и он радостно принял ее условия — стать лидером коммунистов. В 1930-е годы интересы Престеса и Коминтерна совпали.

В бразильском восстании Коминтерн принял самое непосредственное участие вопреки настроениям местных коммунистов, навязав им и новое руководство во главе с Престесом, и сам курс на восстание. Представляется верным мнение историка П. С. Пиньейру, характеризовавшего восстание 1935 г. как «последнее тенентистское восстание», в котором сочетались две линии — московская, восходящая к большевистской тактике восстания, и традиционная тенентистская¹⁰⁰. Иными словами, это было несчастное сочетание московских иллюзий и тенентистского путчизма.

⁹⁸ РГАСПИ, ф. 495, оп. 17, д. 6, л. 1–2.

⁹⁹ *Karepovs D. Luta subterrânea*, p. 24–34.

¹⁰⁰ *Pinheiro P. S. Op. cit.*, p. 296.

В Коминтерне вина за провал была возложена на компартию и так называемых троцкистов в лендерсекретариате во главе со Скаловым и Гуральским. После 1935 г. Латинская Америка практически полностью исчезла из повестки дня Коминтерна, и даже победа Народного фронта в Чили в 1938 г. не пробудила новых надежд и не породила новых политических планов. Гражданская война в Испании и надвигавшаяся военная опасность в Европе задвинули Латинскую Америку далеко на периферию интересов Коминтерна. Исключение было сделано только для Мексики после предоставления там убежища Троцкому, но решением этой проблемы занимался уже не Коминтерн, а совсем другие советские органы.

Библиография

- 3-я конференция компартий Южной и Карибской Америки. – Латиноамериканский исторический альманах, 2002, № 3, с. 164–180.
- Калмыков Н. П.* Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс: рабочая политика бразильского правительства в 1930–1945 гг. М., 1981.
- Коваль Б.* Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М., 2005.
- Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998.
- Коминтерн и Латинская Америка. Сборник документов. М., 1999.
- VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны (сборник документов). М., 1975.
- Фаусту Б.* Краткая история Бразилии. М., 2013.
- Хейфец Л. С., Хейфец В. Л.* Латиноамериканские левые на пути к Народному фронту в 30-е годы XX века. – Латинская Америка, 2014, № 5, с. 57–75.
- Янчук И. И.* На пути к Народному фронту: 3-я конференция латиноамериканских коммунистов 1934 г. – Латиноамериканский исторический альманах, 2002, № 3, с. 151–163.
- Broué P.* Histoire de l'Internationale Communiste. 1919–1943. Paris, 1997.
- Dulles J.* Brazilian Communism, 1935–1945. Repression during World Upheaval. Austin, 1983.
- Friedmann R.* Arthur Ewert (1890–1959). Der Lebens- und Leidensweg eines deutschen Kommunisten auf drei Kontinenten. Postdam, 2015.
- Hilton S.* Brazil and the Soviet Challenge, 1917–1947. Austin, 2010.
- Jeifets L. S., Jeifets V. L.* América Latina en la Internacional Comunista, 1919–1943. Diccionario biográfico. Santiago de Chile, 2015.
- Jeifets V., Jeifets L.* La Comintern y la formación de militantes comunistas latinoamericanos. – Izquierdas, № 31, diciembre 2016, p. 130–161.
- Karepovs D.* Luta subterrânea. O PCB em 1937–1938. São Paulo, 2003.
- Karepovs D.* Pas de politique Mariô! Mario Pedrosa e a sua política. São Paulo, 2017.
- Na contracorrente da história. Documentos do trotskismo brasileiro, 1930–1940. F. Abramo e D. Karepovs (orgs.). São Paulo, 2015.
- Pandolfi D.* Camaradas e companheiros. Memória e história do PCB. Rio de Janeiro, 1993.
- Pereira Moreira R. N.* Antônio Maciel Bonfim ou “o celebre Miranda”: entre a história e a memória. – Capítulo de história dos comunistas no Brasil. C. Zacarias de Sena, Jr. (org.). Salvador, 2016, p. 77–94.
- Pinheiro P. S.* Estratégias da ilusão – a Revolução Mundial e o Brasil (1922–1935). São Paulo, 1991.
- Prestes A. L.* 70 anos da Aliança Nacional Libertadora (ALN). – Estudos Ibero-Americanos. PUCRS, v. XXXI, № 1, junho 2005, p. 112–123.
- Ravines E.* La Gran estafa (La penetración del Kremlin en Iberoamérica). México, 1952.
- Santos Primo J. C.* Tempos Vermelhos: A Aliança Nacional Libertadora e a Política Brasileira 1934–1937. Tese. Salvador, 2006.
- Silva S.* 1935: Ilusão, loucura e história. – Cadernos AEL, 2012, № 2, p. 65–88.
- Tovares de Almeida M.* Os trotskistas frente à Aliança Nacional Libertadora e aos levantes militares de 1935. – Cadernos de AEL, 2005, № 22–23, p. 84–117.
- Waack W.* Camaradas, Nos arquivos de Moscou. A história secreta da revolução brasileira de 1935. São Paulo, 1993.

References

- 3rd conference of the Communist parties of South and Caribbean America. – Latin American historical almanac, 2002, № 3, p. 164–180. (In Russ.)
- Broué P.* Histoire de l'Internationale Communiste. 1919–1943. Paris, 1997.
- Comintern and Latin America: collection of documents. Moscow, 1999. (In Russ.)
- Dulles J.* Brazilian Communism, 1935–1945. Repression during World Upheaval. Austin, 1983.
- Fausto B.* A brief history of Brazil. Moscow, 2013. (In Russ.)
- Friedmann R.* Arthur Ewert (1890–1959). Der Lebens- und Leidensweg eines deutschen Kommunisten auf drei Kontinenten. Postdam, 2015.
- Hilton S.* Brazil and the Soviet Challenge, 1917–1947. Austin, 2010.
- Jeifets L. S., Jeifets V. L.* América Latina en la Internacional Comunista, 1919–1943. Diccionario biográfico. Santiago de Chile, 2015.
- Jeifets V., Jeifets L.* La Comintern y la formación de militantes comunistas latinoamericanos. – Izquierdas, № 31, diciembre 2016, p. 130–161.
- Jeifets L. S., Jeifets V. L.* Latin American left on the way to the Popular front in the 30s of the twentieth century. – Latin America, 2014, № 5, p. 57–75. (In Russ.)
- Kalmykov N. P.* The dictatorship of Vargas and the Brazilian working class: the working politics of the Brazilian government in 1930–1945. Moscow, 1981. (In Russ.)
- Karepovs D.* Luta subterrânea. O PCB em 1937–1938. São Paulo, 2003.
- Karepovs D.* Pas de politique Mariô! Mario Pedrosa e a sua política. São Paulo, 2017.
- Koval B.* Tragic heroics of the twentieth century. The Fate Of Luis Carlos Prestes. Moscow, 2005. (In Russ.)
- Na contracorrente da história. Documentos do trotskismo brasileiro, 1930–1940. F. Abramo e D. Karepovs (orgs.). São Paulo, 2015.
- Pandolfi D.* Camaradas e companheiros. Memória e história do PCB. Rio de Janeiro, 1993.
- Pereira Moreira R. N.* Antônio Maciel Bonfim ou “o celebre Miranda”: entre a história e a memória. – Capítulo de história dos comunistas no Brasil. C. Zacarias de Sena, Jr. (org.). Salvador, 2016, p. 77–94.
- Pinheiro P. S.* Estratégias da ilusão – a Revolução Mundial e o Brasil (1922–1935). São Paulo, 1991.
- Prestes A. L.* 70 anos da Aliança Nacional Libertadora (ALN). – Estudos Ibero-Americanos. PUCRS, v. XXXI, № 1, junho 2005, p. 112–123.
- Ravines E.* La Gran estafa (La penetración del Kremlin en Iberoamérica). México, 1952.
- Santos Primo J. C.* Tempos Vermelhos: A Aliança Nacional Libertadora e a Política Brasileira 1934–1937. Tese. Salvador, 2006.
- Silva S.* 1935: Ilusão, loucura e história. – Cadernos AEL, 2012, № 2, p. 65–88.
- The Comintern and the idea of world revolution. Documents. Moscow, 1998. (In Russ.)
- Tovares de Almeida M.* Os trotskistas frente à Aliança Nacional Libertadora e aos levantes militares de 1935. – Cadernos de AEL, 2005, № 22–23, p. 84–117.
- VII Congress of the Communist international and the struggle against fascism and war. (Collection of documents.) Moscow, 1975. (In Russ.)
- Waack W.* Camaradas, Nos arquivos de Moscou. A história secreta da revolução brasileira de 1935. São Paulo, 1993.
- Yanchuk I. I.* On the way to the Popular front: 3rd conference of Latin American Communists 1934. – Latin American historical almanac, 2002, № 3, p. 151–163. (In Russ.)